

ПРОБЛЕМА ДЕТСКОЙ БЕСПРИЗОРНОСТИ И ПОДРОСТКОВОЙ ПРЕСТУПНОСТИ НА ТЕРРИТОРИИ ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1920–1930-е гг.: ИСТОКИ И ПОИСКИ ПУТЕЙ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Виктор Алексеевич Менжулин¹

*Воронежский государственный педагогический университет¹
Воронеж, Россия*

¹*Аспирант кафедры истории России, e-mail: 10051982@mail.ru*

Аннотация. В статье исследуется динамика беспризорности и детской преступности на территории Воронежской губернии. Автором выявлен комплекс факторов, вызвавших их рост в 1920-е гг., показан процесс эволюции общегосударственных взглядов на искоренение беспризорности и правонарушений несовершеннолетних, проанализированы формы и методы борьбы с этими острыми социальными явлениями.

Ключевые слова: беспризорность, подростковая преступность, Советская Россия, Воронежская губерния, Деткомиссия, идеология, патронат, трудовые колонии.

Для цитирования: Менжулин В. А. Проблема детской беспризорности и подростковой преступности на территории Воронежской губернии в 1920–1930-е гг.: истоки и поиски путей преодоления // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2021. № 4. С. 154–162. DOI 10.47438/2309-7078_2021_4_154

Введение

Беспризорность как социальное явление стала острой и одной из наиболее сложных проблем для новой советской государственности с самого начала её существования. Обитая на вокзалах, ютясь в подвалах, беспризорники пополняли криминальный мир, занимались попрошайничеством. Особенно много их скапливалось на крупных железнодорожных узлах, а также в столице и региональных центрах. Типичная картина из жизни московского вокзала 1920-х гг. нашла своё отражение в фольклоре беспризорников: «Почтовый подходит, // Калитка открылась // Толпою народ повалил. <...> // “Смотри уж, Степан, не зевай, // У нашей Матрёны стащили корзину, // Вон сумку понес, догоняй!” // По всем уголкам павелецкого бана // Послышалось ай-ай! ай-ай! // Стащили корзину! // Украли свинину! <...>» [1, с. 203].

Есть беспризорники и в современной России. По разным данным их общая численность составляет от двух до четырёх миллионов человек, что свидетельствует о неискоренённости данного социального явления. Обращение к истории позволило бы в полной мере использовать опыт по ликвидации беспризорности и избежать повторения допущенных ошибок. Помимо этого, проблема беспризорности для отечественной историографии актуальна ещё и потому, что на протяжении долгого времени она оставалась закрытой. Дело в том, что после торже-

ственного празднования 10-летия советской власти проблема детской беспризорности как таковая и связанные с ней сюжеты постепенно исчезли со страниц печати, последние публикации датируются 1930 г. Это объясняется политической установкой советских властей на завершение дела борьбы с беспризорностью.

В последующем проблема беспризорности в первое десятилетие существования советского государства в историческом аспекте практически не исследовалась как специальная тема до конца 1980-х гг. Закрытость темы привела к недоступности на долгие годы большинства архивных источников по беспризорности [2, с. 7].

Новый этап в изучении беспризорности начался только в 1990-е гг., когда был снят гриф секретности с многих источников. Поэтому вполне очевидно, что на рубеже XX–XXI вв. история материнства и детства, социальной работы и благотворительности вошла в число приоритетных направлений исторических и социологических исследований. Однако, несмотря на появление большого количества публикаций и введение в научный оборот новых источников, многие вопросы продолжают носить дискуссионный характер, а подход к их решению остаётся неоднозначным.

Проблемы беспризорности и связанной с ней подростковой преступности на территории Воронежской губернии в 1920–1930-е гг. также долгое время оставались и по-прежнему остаются вне поля зрения региональных историков, из-за чего регио-

нальный аспект темы требует дальнейшей разработки и более детального изучения.

Результаты

В юридической практике 1920-х гг. понятие «беспризорность» неоднократно эволюционировало. В анализируемый период советское государство боролось с беспризорностью и безнадзорностью одновременно. Как законодатель, так и социально-правовая доктрина не дифференцировали эти понятия, чаще всего употребляя их как синонимы [3, с. 5]. Придаваемое им значение поможет выделить, систематизировать и понять факторы, детерминирующие это негативное явление.

Понятие «беспризорный ребёнок» впервые появляется в 1921 г., подразумевая несовершеннолетних, не достигших 18 лет, находившихся полностью вне надзора и попечения родителей или опекунов. Сюда же были отнесены дети и подростки, подвергавшиеся в своей семье жестокому обращению или не имевшие того минимума воспитания и обучения, которые закрепляло действующее законодательство. К беспризорникам были отнесены также дети, попавшие под «развращающее влияние домашней обстановки». К беспризорным причислили и тех, кто несмотря на молодость уже вёл «порочный образ жизни», побирався, бродяжничал или торговал вразнос [4, с. 19].

К середине 1920-х гг. формируется новое, уточнённое понятие «беспризорный», под которым теперь было принято понимать несовершеннолетнего, оторванного не от семьи и родителей, а исключительно от «своей трудовой среды». Следствием такого отрыва считалось попрошайничество или бродяжничество. К категории беспризорных также относили детей, которые обеспечивали себя сами, а нередко и своих младших родственников. В данном случае, определяющим фактором также было наличие не семьи, а труда, а также самостоятельного содержания.

8 марта 1926 г. ЦИК и СНК утвердили Положение о мероприятиях по борьбе с детской беспризорностью в РСФСР. Документ уточнял социальный статус беспризорного, которому могло быть предоставлено полное государственное обеспечение и воспитание. Беспризорниками признавались полные сироты, не имеющие родственников, которые бы взяли на себя их обеспечение, а также подкинутые дети. Также беспризорниками считались дети и подростки, изъятые из неблагополучных семей по решениям судов, либо комитета по делам несовершеннолетних. Как правило, поводом для такого изъятия служили проверки, а основанием – «преступная или порочная жизнь их родителей», чаще всего, пьянство или воровство. Также детей могли изъять за установленное судом злоупотребление родительскими правами, т. е. применение насилия.

Поскольку категории «беспризорные» и «безнадзорные» в советской нормативной практике 1920-х гг. не разделялись, поэтому и факторы, детерминирующие рост детской беспризорности считались общими с теми, что детерминировали безнадзорность.

В исследуемый период, в связи с Первой мировой войной, революцией, гражданской войной, а

также пандемией «испанки», эпидемией брюшного тифа и голодом, проблема детской беспризорности стала глобальной. В 1921 г. в стране по разным оценкам, насчитывалось от 4,5 млн [5, с. 187] до 7 млн [6, с. 61–72] беспризорных. «Корни беспризорности, – как отмечала Н.К. Крупская на конференции по борьбе с детской беспризорностью в марте 1924 г., – были в общем и целом ясны». Выражая позицию советского политического руководства, причиной беспризорности она, в первую очередь, называла колоссальные разрушения, которые причинила общественным связям война, а за ней и революция, имевшая «особенную глубину, так как привела к «ликвидации строя, который потерял свои корни в современности...» [7].

Объективности ради стоит отметить, что дети теряли корни не только в Советской России, но и за её пределами. «Началась революция. Несмотря на свои десять лет, я сразу же понял, что всё конечно», – признавался находившийся в эмиграции подросток [8, с. 69]. «Чувствовать, что у себя на родине ты чужой, – это хуже всего на свете», – дополнял его другой сверстник [8, с. 52]. Совершенно прав был педагог-эмигрант А. Бем, утверждавший, что «нет русского ребёнка, за редкими исключениями, который не рос бы эти годы в ненормальной обстановке» [8, с. 196]. Современных исследователи безнадзорности и беспризорности несовершеннолетних выделяют три группы причин их возникновения: социально-экономические, социально-психологические и психологические [9, с. 69–70].

1920-е гг. были отмечены широкими дискуссиями о причинах беспризорности. Доминировала позиция, согласно которой это были война и голод. Углубляя это понимание, Е. Лившиц в 1925 г. указывает на то, что беспризорность – это всегда «неизбежный спутник капитализма», отсюда лишь с «исчезновением буржуазного общества», которое было «бессильно уничтожить это явление, не уничтожив основных его причин», можно ожидать исчезновения и этого негативного социального явления. Имея в виду «капиталистический способ производства», автор считала, что для элиминации беспризорности необходимо «уничтожение самого буржуазного общества». Сохранение беспризорности в СССР автор в целом обосновано объясняла пока ещё недостаточными темпами возрождения промышленности, а кроме того, сохранявшейся нищетою, голодом и прошедшей войной [10]. Последнюю, как источник беспризорности, признавал и В.Н. Шульгин, в то же время полагая, что она возникла не только и даже не столько из-за войны и голода. Они, как подчеркивал автор, стали лишь «следствием господства буржуазии», стремившейся «по возможности «предохранить» общество от беспризорных», то есть «бороться не с причинами, порождающими беспризорность, а с самими беспризорниками» [11, с. 4]. Этот подход к анализу проблемы был широко распространён в 1920-е гг., когда с момента революции прошло ещё немного лет и пока можно было ссылаться на классово чуждую буржуазию, войну и голод.

В 1920-е гг. беспризорность вполне объективно объяснялась также и массовой безработицей взрос-

лых, которые не могли прокормить своих детей, как в городах, так и на селе [12]. По понятным причинам авторы работ не отмечали одну из основных её причин, заключающуюся в социально агрессивной политике классово-борьбы, которую вело Советское государство и которая имела прямым следствием голод и массовое сиротство.

Многим детям крайне тяжело было переносить голод 1921 г. Выжившие и впоследствии эмигрировавшие с ужасом вспоминали, как «там (в России. – В.М.) начали есть человеческое мясо и часто бывали случаи, что на улицах устраивали капканы... ловили людей... делали из них кушанья и продавали на базарах» [8, с. 41]. Неудивительно, что некоторые из них признавались: «...а мне Россию было не жалко, потому что я не видел там ничего хорошего. Всё время война, а потом голод. Жизнь моя во время революции была похожа на жизнь животного, которому не было никакой заботы, кроме желудка» [8, с. 121]. Голод толкал и на первые преступления. Кто-то из подростков воровал в трюме парохода муку, кто-то превратился в сознательного вора и «крал всюду, где это было можно, съестное, дрова, деньги...» [8, с. 191].

На региональном уровне, в частности, в Воронежской губернии, факторы, детерминирующие рост детской беспризорности, чётко коррелировались с общероссийскими – те же экстремальные социально-политические условия, помноженные на дефицит местного бюджета и излишнюю бюрократизированность. К специфическим, пожалуй, можно отнести типичные для аграрной губернии малоземелье, многочисленность бедного, преимущественно многодетного, крестьянского населения.

Все указанные факторы следует дополнить особым направлением политики советского государства, в рамках которой приоритет отдавался социальному воспитанию детей, а также строго государственной опеке над ними. В соответствии с идеологией, объём и характер заботы о детях определялся государством [13, с. 87]. К тому же, как хорошо известно, борьба с беспризорностью изначально стала для большевиков политической задачей, где должен был быть обеспечен приоритет классовых ценностей [14, с. 134]. Вместе с тем, как справедливо замечают современные исследователи, следует воздержаться от искажённого толкования понятий – социальная опека вовсе не означала отстранение семьи от воспитания ребёнка, государство не планировало подменять собою семью. Другое дело, что семейные ценности претерпевали со временем необратимые изменения. Наметившийся в Российской империи ещё до 1917 г. кризис семьи, «особенно в условиях роста больших городов и необходимости заработка женщины», отмечали в своих работах педагоги-эмигранты. «Бурная эпоха революции только обострила этот процесс и поставила более остро те педагогические проблемы, которые связаны с ослаблением роли семьи в жизни ребёнка» [8, с. 206].

В годы Гражданской войны и НЭПа кризис советской семьи ещё более усугубился. В этих условиях органы образования прямо призывали «изымать детей из-под её «пагубного влияния». Факти-

чески речь шла о национализации детей, которых государство планировало уже с младенчества поместить «под благотворное влияние коммунистических детских садов и школ», окончив которые они могли бы «вырасти настоящими коммунистами». Для этого требовалось лишь одно: «заставить матерей отдать ребенка Советскому государству» [2, с. 21], которое, однако, не было готово их принять. Тем самым, противоречивая политика государства ещё одним источником беспризорности.

Любопытно, что одновременно и в Советской России, и в эмиграции педагоги и общественные деятели отстаивали мнение о предпочтительности воспитания детей в детских домах или коммунах, а не в семьях, даже если они принадлежали к тем социальным группам, которые не вызывали идеологической подозрительности. Обосновывалось это разными причинами, в том числе лучшими санитарно-гигиеническими нормами. Специалисты заключали, что «материальные, а часто и моральные условия жизни ребёнка в своих семьях хуже условий жизни их в школьных общежитиях» [8, с. 210]. Советская же власть смотрела на создание интернатов и приютов преимущественно с прагматической точки зрения: сироты и беспризорники были наиболее приспособлены для того, чтобы сделаться носителями новых идеологических установок [8; с. 10]. З. Гиппиус вспоминала, как летом 1919 г. по петроградским улицам совершали бодрые строевые прогулки детишки в одинаковых красных панамках, отвлекаясь от праздности пребывания в реквизированных аристократических особняках. Уже с девяти лет мальчика выпускают говорить на митинге, учат агитации и защите советской власти [15, с. 176–177].

По данным официальной статистики, общее количество беспризорных в Воронежской губернии в 1921 г. составляло около 35 тыс. человек. Из них от 21 691 до 24 096 (сведения разнятся) находились на полном иждивении государства в 208 детских учреждениях закрытого типа (детдома, приёмники, распределители), а 10 тыс. ожидали приёма в них [13, с. 351].

Проиллюстрируем крайне скудное питание в детских домах Воронежской губернии в 1921 г.: кулеш из пшённой крупы, «щи с кусочком разнокачественного мяса или часто и без мяса и жиров», пшённая каша на сале «и чаще всего сухая» с куском хлеба [13, с. 148]. При этом в фактическом суточном пайке отсутствовали жиры и белки, сухофрукты и сахар не выдавались по 2–3 месяца, пища была однообразной и зачастую недоброкачественной – например, в Задонском уезде 70 % получаемых яиц были тухлыми, из-за чего фиксировались случаи отравления со смертельным исходом. Вместо пшеничной муки – суррогаты (в Острогжском уезде 25 % муки – жмых) [13, с. 351–352]. В соседних губерниях питание было аналогичным.

В реалиях военного времени и экономического кризиса у государства не оказалось средств для осуществления на практике декларируемых ими постулатов, в силу чего довольно скоро обязанности по благоустройству многочисленной армии беспризорников были переложены на плечи местных вла-

стей, от которых зависело благополучие, а зачастую и сама жизнь подрастающего поколения. Осознавая это, руководство Чрезвычайной комиссии по улучшению жизни детей при ВЦИК (Деткомиссии) призывало активнее проявлять «местную инициативу», так как «возлагать много надежд на центр нельзя» [13, с. 75]. Однако в регионах не спешили откликаться на подобную инициативу. К примеру, доклады уполномоченных Воронежской губернии на протяжении всего 1921 г. пестрят сообщениями о том, что «отделы уисполкомов, партийные и профсоюзные организации ещё слабо поняли всю важность работы по улучшению жизни детей и поэтому почти совершенно не принимают в ней никакого участия» [16, л. 169].

В Острогожском уезде Воронежской губернии в работе местных властей также не было единства. В то время как местные продкомы проявляли «безразличное отношение к детям», уездный исполнительный комитет, деткомиссия и губчека, напротив, развернули активную работу по спасению детей. Осенью 1921 г. в уезде был проведен «двухнедельник помощи детям» с целью «встряхнуть все органы», «приказать им пойти действительно навстречу детям» [13, с. 76]. В результате двухнедельника все детские дома были снабжены топливом на 5 месяцев и керосином на 7 месяцев. За это время были отремонтированы все школы уезда; было открыто 5 новых детских домов; детские учреждения были обеспечены почти всем необходимым минимумом, кроме тёплой одежды. Вместе с тем, понимая, что двухнедельник – не более чем временная мера, которая не решит всех проблем, а на государство рассчитывать бессмысленно, Острогожская уездная комиссия приступила к эксплуатации находящихся в уезде меловых богатств, чтобы на полученные средства содержать детей [13, с. 77].

Анализируя состояние детских учреждений, представители Деткомиссии приходили к выводу о вине в катастрофическом положении детей не только объективных политических и экономических трудностей, но и преступного равнодушия чиновников местного уровня. Жалобы сотрудников Деткомиссии и её уполномоченных на пренебрежительное отношение местных и центральных властей к интересам детей были неизменной составляющей отчетов и прочей делопроизводственной документации Деткомиссии в течение всего периода её существования [13, с. 80]. Так, уполномоченный Воронежской губернии в своём отчёте за первое полугодие 1923 г. сообщал: «Местные органы Соввласти и хозорганы далеко не всегда с достаточной чуткостью и внимательностью относятся к делу быта и воспитания детей. Целый ряд учреждений и организаций, несмотря на улучшающееся положение промышленности и общее состояние государства, отказался от содержания детдомов (Губвоенком, Последгол, Губсовнархоз, ЕПО, союз Совработников и др.)» [17, л. 8].

В условиях уменьшения численности детдомов (так называемой «разгрузки»), вызванного их переводом на баланс регионального бюджета, многие дети оказались просто-напросто выброшенными на улицу. По данным на 1923 г., количество детских

учреждений закрытого типа в Воронежской губернии сократилось почти на 31 % (144 против 208 в 1921 г.). Значительно меньше стало воспитанников в них – 8 085 (в три раза, чем двумя годами ранее). Помимо этого, на очереди стояли 2 484 ребёнка. Всего же беспризорных и безнадзорных детей в регионе насчитывалось 26 962 [13, с. 360].

Множество нареканий высказывалось современниками в адрес региональных продовольственных комитетов. Местные уполномоченные в отчётах и докладных записках постоянно отмечали плохую работу губернских и уездных продкомов, хищения на их складах [13, с. 146]. Результатом стали регулярные скандалы и самовольное урезание продовольственных пайков. В 1923 г. ситуация с питанием в детдомах по сравнению с 1921 г. стала ещё хуже, количество пайков было значительно меньше численности детей. По-прежнему фиксировалась острая нехватка жиров, сахара, молока, из продовольственных товаров – одежды, обуви, постельного белья [13, с. 360]. Постоянное недоедание вызывало у детей многочисленные болезни, подрывало их психическое здоровье, вызывая умственную отсталость, способствуя развитию детской преступности и других форм девиантного поведения.

В этих далёких от нормального состояния условиях некоторые учреждения превращались в осяиное гнездо детской преступности. Так произошло с воронежским приёмником-распределителем, где отсутствовал должный контроль со стороны администрации и царил равнодушие среди сотрудников. Печальный результат не заставил себя ждать: «В городе появились детские организации преступников в возрасте от 8 до 14 лет, которые начинали производить кражи не только у частных лиц, но и в государственных предприятиях», что «взрослый преступный элемент весьма умело использовал» [18, л. 3].

Проблема детской и подростковой преступности обратила на себя внимание контролирующих органов. На протяжении осени 1925 г. в Воронеже под председательством губернского прокурора Н.Я. Нехамкина состоялось несколько заседаний губернского совещания по борьбе с преступностью, материалы которых «во всём блеске» проиллюстрировали состояние беспризорности и детской преступности в нашем регионе, сложившееся к середине 1920-х гг. Участниками совещаний были сотрудники прокуратуры, ОГПУ, милиции, ГубОНО, санитарного контроля и т.д. Столь широкий и разнообразный состав отражал серьёзность проблемы. Обсуждая сложившуюся ситуацию и пути её преодоления, а также деятельность губернской комиссии по борьбе с несовершеннолетними правонарушителями, в ходе заседаний прозвучали две диаметрально противоположные точки зрения.

В частности, представители хозяйственно-административных органов, в ведении которых находилась борьба с беспризорниками, ратовали за создание учреждений с принципом «закрытых дверей», поскольку, по их мнению, принцип «открытых дверей» принёс только вред: «...почувыв все выгоды своего положения и привыкши к свободной жизни и бродяжничеству, несовершеннолетние не

оставались в приёмнике. Систематическое бегство развивало в них смелость и решительность» [18, л. 3]. В качестве оправдания чиновники приводили доводы о недостатке денежных средств и отсутствии квалифицированного персонала: «Ребята настолько плохо себя держат, что бежит милиция, справиться обслуживающему персоналу нет никакой возможности» [18, л. 8]. Трудный контингент был ярко описан прокурором: «...дети, с которыми нужно вести нам борьбу, являются венериками, проститутками, кокаинистами и т. п. Они знают все 'прелести' жизни» [18, л. 11]. Как результат, на одном из заседаний комиссии доктор Гурко выступила с инициативой построить «плавающий дом» для детей по типу Англии, т.е., по сути, изолировать беспризорников-правонарушителей от внешнего мира и тем самым обезопасить от них общество. Это представляло бы собой закрытое учреждение для трудных подростков интернатского типа со строгим педагогическим режимом.

Однако мнения представителей прокуратуры резко контрастировали с тем, что звучало ранее. Прокурор Нехамкин выступил категорически против, обосновывая это тем, что целая «масса возможностей не использована здесь». Он выступил за новые методы в работе, предлагая реорганизовать деятельность губернской комиссии по борьбе с несовершеннолетними правонарушителями [18, л. 10 об.]. Резонно со своей стороны заметив, что проблема вовсе не в деньгах или недостатке ограничительных мероприятий, а в отсутствии «организационно-хозяйственной руки» [18, л. 11]. Для Нехамкина «плавающие дома» были сродни новой тюрьме: «Лучше выпустить всех детей на улицу, чем держать их в таких условиях. <...> Это зло, которое приносит неисчислимые бедствия, поэтому, — эмоционально резюмировал прокурор, — этому должен быть положен конец раз и навсегда» [18, л. 12].

В качестве альтернативы «плавающему дому»-изолятору Нехамкин, как сторонник принципа «открытых дверей», поддержал прозвучавшую ранее идею об учреждении сельскохозяйственной колонии, где воспитывать детей, по его мнению, следовало так, чтобы «лозунг «Даёшь коммуны» был их лозунгом» [18, л. 13 об.]. Под колонию предполагалось отвести участок на 17 версте Задонского шоссе в с. Чертовикомом с расчётом на 150-200 человек. Также было предложено ликвидировать ночлежку, разгрузить приёмник, всех больных немедленно распределить по лечебным заведениям. Помощник губернского прокурора по Воронежскому уезду Рутский разделял идеологический подход и во многом вторил своему начальнику: «Товарищи, мы марксисты, и знаем, — утверждал он, — что дети не рождаются бандитами, а на всё это влияют экономические условия» [18, л. 9–10].

Любопытно, как при знакомстве с подобными материалами разрушаются сложившиеся стереотипы, словно в зазеркалье, лица прокурорского надзора по сравнению с представителями общественности выступают большими гуманистами. Видимо, свою роль сыграли обстоятельства, в которых протекала их деятельность. Выбившиеся из сил

чиновники и общественники уже не верили в педагогические методы перевоспитания беспризорников и от безысходности настаивали на более жёстких мерах. В то же время сотрудники прокуратуры стремились ограничить репрессивные мероприятия и предлагали альтернативные способы решения проблемы.

Наряду с дефицитом средств и отсутствием опыта в решении проблемы беспризорности, очень остро стояла кадровая проблема — сфере охраны детства не доставало квалифицированных сотрудников. В детских учреждениях 1920-х гг. наблюдалась высокая текучка кадров из-за тотальной нехватки всего и вся, нестабильно выплачивавшейся зарплаты, в конце концов, из-за банальной опасности за свою жизнь от повидавших виды трудных подростков. Замечено, что в подобных учреждениях работали две категории сотрудников: энтузиасты своего дела и случайные люди, ряды которых пополнял в том числе уголовный элемент. Люди, которым просто надо было где-то работать, как-то обеспечивать себя и свои семьи, составляли подавляющую часть персонала детских домов того времени. Кто-то делал это добросовестно, другие просто «тянули лямку» от безысходности [13, с. 227].

Непростой была и ситуация с кадрами в местных отделах народного образования, курировавших детские учреждения. К примеру, осуществлённое в декабре 1936 г. обследование работы Воронежского ОблОНО выявило профессиональную непригодность большинства инспекторов народного образования: «Из личного ознакомления и длительного собеседования с ними о методах их работы, а также по культурному уровню их, можно с полным основанием сделать вывод о неспособности их выполнять функции инспекторов ОблОНО» [13, с. 236–237], — резюмировал заместитель председателя Деткомиссии Аранович.

В середине 1920-х гг. теоретики советской детской политики пришли к выводу о необходимости восстановления ценностей семейного воспитания. Для детей, лишённых родительской опеки, было решено сместить акцент с их общественного воспитания в государственных детских учреждениях на различные формы семейного воспитания. Одной из таких форм являлся патронат, предусматривавший передачу детей на воспитание в крестьянские семьи. Различными материальными льготами государство стимулировало этот институт, однако благое по своей сути начинание столкнулось с излишним бюрократизмом. Передача детей в семьи приобретала характер очередной массовой и поспешной кампании. Погоня за плановыми показателями и контрольными цифрами привела к насильственному, а не добровольному, как задумывалось изначально, расселению детдомовцев в крестьянские семьи. Рапортуя с мест об успехах патронирования, чиновники, как правило, мало интересовались дальнейшей судьбой сирот.

Проводимая государством в конце 1920 — начале 1930-х гг. политика коллективизации, сопровождавшаяся репрессивными методами, ещё больше усугубляла проблему беспризорности — разбивались семьи, при живых родителях дети превращались в

сирот. «В 1930 году в селе Петровка Павловского района Воронежской области проходила коллективизация. И мою семью она не обошла. – Вспоминала крестьянка Анастасия Новикова. – Нас было шесть человек: отец, мать, четверо детей. И вот нашу семью раскулачили и выслали, все наше хозяйство забрали в колхоз. Я как самая младшая осталась в Петровке. Нянчила детей колхозников, там около них и питалась...» [19, с. 114].

В 1930-е гг. частный патронат, как альтернатива детдомам, получил дальнейшее развитие. Несмотря на это, положение детей оставляло желать лучшего. В ходе обследования патронатных семей Воронежской области, проведенного в декабре 1936 г., выяснилось, что в области проживало 3 179 (по другим данным 3 609) патронированных детей (245 в городе, остальные в деревне). При этом соответствующие анкеты в ОблОНО были составлены лишь на треть патронированных детей (1 083 ребёнка), а условия жизни семей перед передачей на воспитание ребёнка были обследованы в 17 случаях из более чем трёх тысяч. Финансирование патронатных семей фактически ограничилось бюрократическим решением о выделении им средств из местного бюджета. Информации же о том, получили ли семьи деньги и если да, то сколько и как они ими распорядились, в ОблОНО не было [13, с. 331].

В дальнейшем ситуация несколько не изменилась. Находившиеся на патронате дети, как у частных лиц, так и в колхозах, по-прежнему были обузой для своих содержателей. Заботиться о них никто не собирался. На беспризорных детей цинично смотрели сквозь призму наживы. Среди беднейших крестьян сложилась традиция смотреть на патронатное воспитание как на своеобразный вид заработка. По-прежнему отсутствовал механизм контроля со стороны административных органов за патронлируемыми семьями и трудовыми коллективами. В секретной докладной записке начальника отдела трудовых колоний НКВД СССР Л.М. Яцкевича в Наркомпрос РСФСР и Деткомиссию ВЦИК от 29 апреля 1938 г. мы находим этому многочисленные подтверждения. Так, например, «в Ведугском районе, с. Меловатка на патронате у гр-ки Плотниковой находятся двое детей: Гирчевы Анна 13 лет и Иван 7 лет. Сама Плотникова – бывшая монашка Воронежского монастыря. Вышеуказанных детей она приучает молиться и разучивать молитвы. В этом же селе у М.С. Винокурова имеется патронлируемый ребенок Дмитрий 5 лет. Кроме этого, у него имеется 4 чел. своих детей, и этот патронлируемый сирота ходит зимой босиком. В селе Нижняя Ведуга у гр-на О.В. Киселева находится на патронате две девочки Иванынины Прасковья 11 лет и Евдокия 8 лет. Кроме патронлируемых, у него имеется своих трое детей. Патронлируемые дети оборванные, неумытые, смены белья не имеют, и во время стирки белья ребенок вынужден сидеть абсолютно голый. В помещении грязь, дети иногда спят вместе с телятами. Не лучше обстоит дело и с сиротами, находящимися на патронате в колхозе «Пробуждение» Никольского сельсовета. Имеется сирота И.И. Гладких, у него одна пара белья, которую никогда с себя не снимает, в результате – вшивость.

Квартиры ребенок не имеет, живет вместе с чесоточными лошадьми и питается на свинарнике теми продуктами, которыми кормят свиней, и когда он подавал в правление колхоза заявление об оказании ему помощи, то председатель колхоза не обратил на это никакого внимания. Учитель Старо-Ведугской НСШ И.П. Ягодницын имел в своем хозяйстве 16 голов разного скота, на протяжении более трех лет эксплуатировал на работе в своем хозяйстве 13-летнего сироту Шишкина Филиппа, за свой непосильный труд мальчик получал 10 руб. в месяц; обуви и одежды не имеет, спит вместе с телятами, питается очень плохо, не посещает школы. Об этом знает сельсовет, но никаких мер не принимает» [19, с. 293–294]. Таким образом, патронирование превращалось в практику экономического выживания, необходимую не детям, а их воспитателям. Удивительно, как в сложившейся ситуации никто не нес ответственности за судьбы беспризорных детей.

В конце 1920–1930-х гг. в стране развернулась кампания политехнизации образования, в ходе которой детские дома и трудовые коммуны по примеру учебных заведений в массовом порядке прикрепляли к предприятиям, воинским частям, колхозам, совхозам, МТС. Очевидно, как замечает Т.Н. Смирнова, что навязанные государством обязательства по отношению к воспитанникам детдомов нередко выполнялись в минимальном объеме, «для галочки» либо только «на бумаге» [13, с. 133–134]. Проведенное Деткомиссией в 1935 г. обследование показало, что сельсоветы и колхозы в подавляющем большинстве не оказывают своевременную помощь детям-сиротам. К примеру, в колхозе «Первого мая» Ольховатского района Воронежской области трое сирот Жуковых (восьми, десяти и четырнадцать лет) после смерти родителей оказались на попечении своей 22-летней сестры, которая и сама-то едва «стояла на ногах». Не получив никакой помощи, дети оказались в крайне бедственном положении: «босые, оборванные, голодные, в школу не ходят», двое младших детей в этих условиях тяжело заболели [13, с. 134; 19, с. 209].

В 1920-е гг., подобно многим другим мероприятиям, преодоление беспризорности перешло в разряд политических кампаний, результаты которых часто оценивались по рапортам с мест об успехах. Так, итогом Всесоюзной переписи населения 1926 г. стало выявление в городах РСФСР лишь 75 тыс. беспризорников [20, с. 78–89].

Отметим доминирование в дискурсе конца 1920-х гг. нового идеологически заданного вывода о существенном снижении уличной беспризорности, которая, по крайней мере, по отчетам, перестала быть массовым явлением. Новое понятие «уличная», т.е. городская беспризорность, выводила из-под статистики ситуацию на селе, о которой достоверно ничего не было известно.

К концу 1920-х гг. советское государство фактически отказалось от научно обоснованного педагогического воздействия на беспризорных, ускоряя при этом переход ко всеобщему государственному воспитанию безнадзорных и беспризорных детей. По мере продвижения в строительстве социализма, строй свободный от социальных язв и конфликтов,

беспризорность как таковая уже объективно не могла существовать, она должна была быть изжита самим новым общественным строем, который позиционировался как самый передовой. Исходя из этого, непризорность стала рассматриваться не как социальная проблема, а как девиантное поведение, а затем и как преступность. Соответственно стали корректироваться и меры борьбы с ней. Беспризорников стали автоматически направлять в места лишения свободы, а также трудовые дома для несовершеннолетних правонарушителей.

В рамках развития этой тенденции к середине 1930 г. был осуществлен переход от социально-педагогической профилактики непризорности к борьбе с ней силами НКВД. Кроме детских домов создавались детские учреждения открытого и закрытого типов для несовершеннолетних правонарушителей. Это были так называемые трудовые дома, а также трудовые и воспитательные колонии, куда принудительно направлялись как судимые дети и подростки, так и просто непризорные и безнадзорные. Нахождение в них обеспечивало социальную изоляцию и иллюзию отсутствия непризорных на улицах крупных городов. В то же время, нахождение детей и подростков в криминальной среде способствовало их криминализации [2, с. 18].

Однако и из таких учреждений совершались многочисленные побеги, что могло говорить о тяжёлых условиях пребывания в них. 31 октября 1935 г. начальник административно-хозяйственного управления НКВД СССР И.М. Островский в директиве, разосланной в соответствующие региональные и республиканские ведомства, отмечал крайне неудовлетворительную работу отделов трудовых колоний УНКВД, сетовал на невовлечение несовершеннолетних в производство колонии, скверную охрану приёмников. «Результаты четырёхмесячного усиленного изъятия с улиц непризорных детей показывает, что почти вся работа заключается в повторяющемся из месяца в месяц изъятии одних и тех же детей, бегущих не только из детских домов Наркомпроса, но даже из колонии НКВД и самих приёмников-распределителей», – констатировал высокопоставленный сотрудник правоохранительных органов [19; с. 199]. Воронежская область вошла в число регионов с наибольшим количеством побегов непризорников – 259 в месяц. По словам Островского, каждый побег «ярче всех докладов» говорит о неумении работать с детьми. Масштабность подобного явления привлекла внимание наркома внутренних дел Ягоды, приказавшего «тщательно проверить постановку работы в каждом приёмнике и каждой колонии и принять самые ре-

шительные меры к полному пресечению побегов» [19, с. 199].

Выводы

Становление советского государства проходило в экстремальных условиях военного времени. Столкнувшись с проблемой непризорности и безнадзорности, власть испытывала острую нехватку средств, отсутствие опыта и квалифицированных сотрудников. Очевидно, что в эйфории коммунистических лозунгов масштабность проблемы удалось осознать не сразу. Отсюда и столь тернистый путь её преодоления. Вряд ли стоит ставить под сомнение искренность большевиков в вопросах преодоления такой социальной язвы, как непризорность. Однако их видение решения данной проблемы отличалось своеобразием классового подхода. Объявив заботу о ребёнке приоритетной задачей, государство взвалило на свои плечи огромный груз ответственности за судьбы подрастающего поколения. Но, очень быстро надорвавшись, попыталось разделить его с местными властями, представителями общности, задействовав для этого широкие слои населения и стимулируя их инициативу, в частности патронат. Вскоре ставка была сделана на отказ от научно обоснованных педагогических методов перевоспитания непризорников и на применение по отношению к ним (по крайней мере, детям с городских улиц) репрессивных мер. Несмотря на красивые лозунги, звучавшие то тут, то там, оказалось, что в жизненных реалиях неблагополучные дети никому не нужны – для государства они стали обузой, общественность проявляла инициативу лишь формально, да и то «из-под палки», другие смотрели на них через призму наживы. Озлобленные, они пополняли ряды преступников, которых было необходимо «отлавливать» и помещать в трудовые колонии НКВД. Противоречивость социальной политики РСФСР (в дальнейшем СССР) в 1920–1930-е гг. проявлялась в том, что, непрерывно решая задачу построения эффективной системы преодоления детской непризорности и безнадзорности, власть в то же время своими репрессивными мероприятиями по отношению к советским гражданам провоцировала разрушение семьи и сопровождавшие этот процесс новые витки массовой непризорности. Поэтому в реальности вопрос окончательной ликвидации непризорности оставался в анализируемый период открытым, что и нашло отражение на региональном уровне.

Конфликт интересов

Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Библиографический список

1. Маро (М. И. Левитина) Беспризорные. Социология. Быт. Практика работы. М., 1925.
2. Славко А. А. Детская непризорность в России в первое десятилетие советской власти : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2005.
3. Семина Н. В. Борьба с детской непризорностью в 1920-е–1940-е годы в России : на примере Пензенского региона : дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2007.
4. Славко А. А. Детская непризорность и безнадзорность в России конца 1920-х – начала 1950-х годов : социальный портрет, причины, формы борьбы : дис. ... д-ра ист. наук. Самара, 2011.
5. Гражданская война и военная интервенция в СССР : энциклопедия. М., 1983.
6. Арефьев А. Л. Беспризорные дети России // Социс. 2003. № 9.

7. «Мы подобрали с улицы еще 2000 детей». Когда в СССР в действительности исчезла побеждённая в 1920-х беспризорность // Коммерсантъ. Власть. 2014. № 7. С. 68. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2411256> (дата обращения: 02.08.2021).
8. Дети эмиграции : Воспоминания : сборник статей / под ред. проф. В. В. Зеньковского. М., 2001.
9. Саламатина О. В. Безнадзорность и беспризорность несовершеннолетних // Здравоохранение Югры : опыт и инновации. 2018. № 4.
10. Лившиц Е. Некоторые итоги работы с беспризорными правонарушителями за 1924/25 г. // На путях к новой школе. 1925. № 4.
11. Шульгин В. Н. Предисловие // Лившиц Е. Социальные корни беспризорности. М., 1925.
12. Богуславский М. Борьба с детской беспризорностью в РСФСР // Красная Новь. 1927. № 8.
13. Смирнова Т. М. Дети страны Советов : от государственной политики к реалиям повседневной жизни 1917–1940. М., СПб., 2015.
14. Рожков А. Ю. Борьба с беспризорностью в первое советское десятилетие // Вопросы истории. 2000. № 11.
15. Гиппиус З. Живые лица : в 2 т. Тбилиси, 1991. Т. 1.
16. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 27.
17. ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 191.
18. Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 996.
19. Дети Гулага. 1918–1956 / сост. С. С. Виленский [и др.] ; под ред. акад. А. Н. Яковлева. М., 2002.
20. Артамонов П. Задачи борьбы с детской беспризорностью и детдом (К партсовещанию по вопросам народного образования) // Народное просвещение. 1929. № 1.

References

1. Maro (M. I. Levitina) *Besprizornye. Sotsiologiya. Byt. Praktika raboty* [Homeless. Sociology. Gen. Practice of work]. Moscow, 1925.
2. Slavko A. A. *Detskaya besprizornost' v Rossii v pervoe desyatiletie sovetskoi vlasti*. Avtoref. diss. kand. ist. nauk [Children homelessness in Russia in the first decade of Soviet power. Cand. hist. sci. diss. abstr.]. Cheboksary, 2005.
3. Semina N. V. *Bor'ba s detskoj besprizornost'yu v 1920-e–1940-e gody v Rossii : na primere Penzenskogo regiona*. Diss. kand. ist. nauk [Fighting homeless children in the 1920s – 1940s in Russia: on the example of the Penza region. Cand. hist. sci. diss.]. Penza, 2007.
4. Slavko A. A. *Detskaya besprizornost' i beznadzornost' v Rossii kontsa 1920-kh – nachala 1950-kh godov : sotsial'nyi portret, prichiny, formy bor'by*. Diss. d-ra ist. nauk [Children's homelessness and neglect in Russia in the late 1920s – early 1950s: social portrait, reasons, forms of struggle. Dr. hist. sci. diss.]. Samara, 2011.
5. *Grazhdanskaya voina i voennaya interventsiya v SSSR : entsiklopediya* [Civil war and military intervention in the USSR]. Moscow, 1983.
6. Aref'ev A. L. *Besprizornye deti Rossii* [Homeless children of Russia]. *Sotsis*, 2003, no. 9.
7. «Мы подобрали с улицы еще 2000 детей». Когда в СССР в действительности исчезла побеждённая в 1920-х беспризорность ["We picked up 2,000 more children from the street." When did homelessness, defeated in the 1920s, actually disappear in the USSR]. *Kommersant' Vlast'*, 2014, no. 7, p. 68.
8. Zen'kovskii V. V. *Deti emigratsii: Vospominaniya. Sbornik statey* [Children of Emigration: Memories. Collection of articles]. Moscow, 2001.
9. Salamatina O. V. *Beznadzornost' i besprizornost' nesovershennoletnikh* [Neglect and homelessness of minors]. *Zdravookhranenie Yugry : opyt i innovatsii*, 2018, no. 4.
10. Livshits E. *Nekotorye itogi raboty s besprizornymi pravonarushitelyami za 1924/25 g.* [Some results of work with street offenders in 1924/25]. *Na putyakh k novoi shkole*, 1925, no. 4.
11. Shul'gin V. N. *Predislovie k kn. Livshits E. Sotsial'nye korni besprizornosti* [Preface to the book. Livshits E. Social roots of homelessness]. Moscow, 1925.
12. Boguslavskii M. *Bor'ba s detskoj besprizornost'yu v RSFSR* [Fight against child homelessness in the RSFSR]. *Krasnaya Nov'*, 1927, no. 8.
13. Sмирнова Т. М. *Deti strany Sovetov : ot gosudarstvennoi politiki k realiyam povsednevnoi zhizni 1917–1940* [Children of the country of the Soviets: From state policy to the realities of everyday life 1917–1940]. Moscow, St. Petersburg, 2015.
14. Rozhkov A. Yu. *Bor'ba s besprizornost'yu v pervoe sovetskoe desyatiletie* [Fighting homelessness in the first Soviet decade]. *Voprosy istorii*, 2000, no. 11.
15. Gippius Z. *Zhivye litsa : v 2 t.* [Living Faces. In 2 volumes]. Tbilisi, 1991. Vol. 1.
16. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii* (dalee – GA RF) [State Archives of the Russian Federation]. F. R-5207. Op. 1. D. 27.
17. GA RF F. R-5207. Op. 1. D. 191.
18. *Gosudarstvennyi arkhiv obshchestvenno-politicheskoi istorii Voronezhskoi oblasti* [State Archives of the Socio-Political History of the Voronezh Region]. F. 1. Op. 1. D. 996.
19. Vilenskii S. S. e.a. *Deti Gulaga. 1918–1956* [Children of the gulag]. Moscow, MFD Publ., 2002. 632 p.

20. Artamonov P. Zadachi bor'by s detskoi besprizornost'yu i detdom (K partsoveshchaniyu po voprosam narodnogo obrazovaniya) [Tasks of the fight against homelessness and orphanage (For a party meeting on public education)]. *Narodnoe prosveshcheni*, 1929, no. 1.

Поступила в редакцию 03.11.2021

Подписана в печать 28.12.2021

**THE PROBLEM OF CHILDREN'S HOMELESSNESS AND JUVENILE DELINQUENCY
IN THE TERRITORY OF VORONEZH PROVINCE IN 1920–1930: ORIGINS AND SEARCH FOR WAYS
OF OVERCOMING**

Viktor A. Menzhulin¹

*Voronezh State Pedagogical University¹
Voronezh, Russia*

¹*Postgraduate Student of the Department of Russian History, e-mail: 10051982@mail.ru*

Abstract. The article examines the dynamics of homelessness and juvenile delinquency on the territory of the Voronezh province. The author identifies a complex of factors that caused their growth in the 1920s, shows the process of evolution of national views on the eradication of homelessness and juvenile delinquency, analyzes the forms and methods of combating these acute social phenomena.

Key words: homelessness, juvenile delinquency, Soviet Russia, Voronezh province, Children's commission, ideology, patronage, labor colonies.

Cite as: Menzhulin V.A. The problem of children's homelessness and juvenile delinquency in the territory of Voronezh province in 1920–1930: origins and search for ways of overcoming. *Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Izvestia Voronezh State Pedagogical University], 2021, no. 4, pp. 154–162 (in Russian). DOI 10.47438/2309-7078_2021_4_154

Received 03.11.2021

Accepted 28.12.2021